

Т.В. Куц
ЕКАТЕРИНБУРГ

ИСИДОР КИЕВСКИЙ КАК ЭПИСТОЛОГРАФ¹

Исидор Киевский (ок. 1380/1390–1463) был одной из выдающихся фигур своего времени². Все перипетии, которыми был полон роковой для Византии XV век, вся сложность и противоречивость эпохи как в зеркале отразились в судьбе Исидора. Занимая высокие ступени в церковной иерархии, он обладал авторитетом не только в делах духовных, но и в политических. Как проводник политики византийского императора Исидор несколько лет пребывал на Руси, занимая важную для империи с идеологических позиций митрополичью кафедру. Именно в качестве митрополита Киевского он принимал участие в знаменитом Ферраро-Флорентийском соборе, где и поставил свою подпись под унией двух церквей. Будучи латинофилом и униатом, Исидор перешел на службу папскому престолу, и его церковная карьера с этого времени

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-01-00238а).

² Библиография работ, посвященных жизни и творчеству Исидора Киевского, к сожалению, не столь обширна, как того заслуживает наш герой. Приведем лишь несколько публикаций, которые отражают основные вехи его биографии: ODB. Vol. 2. P. 1015-1016; PLP. Wien, 1980. Fsc. 4. № 8300; GILL J. Personalities of the Council of Florence and other Essays. Oxford, 1964. P. 65-78; BECK H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 765-767; GILL J. Isidore Metropolitan of Kiev, "On peace and love" // OCP. 1967. Vol. 33. P. 370-379; HOFMANN G. Quelle zu Isidor von Kiew als Kardinal und Patriarch // OCP. 1952. Vol. 18. S. 142-151; KRESTEN O. Eine Sammlung von Konzilsakten aus dem Besitze des Kardinals Isidoros von Kiev. Wien, 1976; SCHREINER P. Ein byzantinischer Gelehrter zwischen Ost und West. Zur Biographie des Isidor von Kiew und seinem Besuch in Lviv (1436) // BBGG. 2006. Vol. 3/3. S. 215-228; ZIEGLER A.W. Die restlichen vier unveröffentlichten Briefe Isidors von Kijev // OCP. 1952. Bd. 18. S. 135-144; IDEM. Vier bisher nicht veröffentlichte griechische Briefe Isidors von Kijev // BZ. 1951. Bd. 44. S. 570-577.

была связана с делами папской курии. Он стал последовательным проводником униатской политики понтифика, видя в союзе церквей спасение для всех христиан, особенно в условиях надвигающейся с востока турецкой угрозы. Уже в качестве папского легата и в статусе кардинала Исидор побывал даже в заточении (к счастью, непродолжительном) в Москве по воле великого князя Василия II (1425–1462), противника униатских поползновений Рима. Судьба не раз испытывала Исидора на прочность, увлекая его в самую гущу происходящего, делая очевидцем и участником ключевых событий этого драматического века. Он оказался непосредственным свидетелем разыгравшейся весной 1453 г. трагедии, пережив осаду Константинополя и плен, в который он попал вместе со многими своими согражданами после падения столицы. В конце своей жизни он был назначен латинским патриархом находившегося уже в руках турок Константинополя.

Но Исидор принадлежал не только к числу влиятельных духовных лиц империи. Он, несомненно, являлся также ярким представителем интеллектуального мира своей эпохи, был носителем образованности высшей византийской пробы. Конечно, его литературное наследие не столь велико, и в сравнении с его церковной и политической активностью достижения на писательском поприще выглядят довольно скромно³. Тем не менее, сохранившиеся письма и речи свидетельствуют о его сопричастности к насыщенной интеллектуальной жизни, которая определяла высокий градус духовной атмосферы его времени. Рассматривая Исидора с позиций его ученой, писательской деятельности, то можно заметить, насколько ярко в его творчестве проявились традиции и новации этой интеллектуальной жизни позднепалеологовского времени. Обратимся к его эпистолярным сочинениям, чтобы показать Исидора Киевского как писателя, творившего в рамках риторических норм и эпистолярного этикета, принятых в кругу поздневизантийских интеллектуалов.

Исидор, родившийся на Пелопоннесе, подобно многим провинциалам, получил, как этого было заведено в империи, блестящее образование в Константинополе. Пройдя столичную школу обучения, он овладел всем набором классического образовательного цикла. Историк Дука особо отметил, что Исидор Киевский вместе с Виссарионом Никейским были самыми образованными среди членов греческой делегации, при-

---

³ ODB. P. 1016.

существовавших на Ферраро-Флорентийском соборе⁴. Действительно, его сочинения демонстрируют отличную образовательную подготовку, знакомство с древними авторами, с литературной традицией и стилистическими приемами своего времени. Исидор известен как блестящий копист и собиратель древних манускриптов. О масштабах его литературной работы говорит перечень из примерно 160 рукописей, которые Исидор скопировал, прочитал или прокомментировал. По замечанию П. Шрайнера, в начитанности Исидора превзошел только один византиец, Фотий, прославившийся своей библиотекой⁵.

Сохранились 14 частных писем этого поздневизантийского интеллектуала первой трети XV в.⁶, когда Исидор еще не был ни митрополитом, ни кардиналом, когда все карьерные взлеты и высокие посты были еще впереди, когда у него, по замечанию издателя писем, было свободное время для изучения светских авторов и овладения каллиграфией⁷. Перед нами предстает человек, которого без всяких сомнений можно отнести к интеллектуальному кругу, и аргументом в пользу этого могут стать прежде всего эпистолярные сочинения Исидора, составленные, в лучших традициях византийской риторики⁸. Стиль, образный ряд, средства художественного выражения, которые использованы автором при написании эпистол, свидетельствуют о глубоком знании норм и принципов византийской эпистолографии, его владении риторическими моделями, о его высоком образовательном уровне в целом.

Исидор всегда заботился о стилизации своей письменной речи под эллинистический язык, ее архаизации и использовании антиквизирующих названий⁹. Как и его предшественники¹⁰, писатель часто использовал древние эквиваленты для современных ему названий. Пространственно-

⁴ Ducas. *Historia Turco-Byzantina* (1341–1462) / Ed. V. Grecu. Bucarest, 1958. XXXI, 3.

⁵ SCHREINER P. *Ein byzantinischer Gelehrter...* S. 222.

⁶ ZIEGLER A.W. *Vier bisher nicht veröffentlichte griechische Briefe...* S. 570.

⁷ *Ibid.*

⁸ О традициях византийской эпистолографии см.: HUNGER H. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. Bd. 1. München, 1978. S. 214–233; SYKUTRIS J. *Epistolographie* / PWRE. Stuttgart, 1931. Supplbd. V. S. 186–220.

⁹ HUNGER H. *On the Imitation (μίμησις) of Antiquity in Byzantine Literature* // *DOP*. 1969–1970. Vol. 23–24. P. 31.

¹⁰ Георгий Пахимер, например, сознательно заменял современные ему географические и этнические названия их древнегреческими наименования и использовал античный календарь. См.: ARNAKIS G.G. *George Pachymeres – a Byzantine Humanist* // *GOTHr*. 1966–1967. Vol. 12. № 2. P. 164.

географические и этнические наименования приобретали в его письмах античное звучание. Исидор предпочитал, к примеру, говорить не об Англии, а περὶ τὰς Βρεττανικὰς¹¹, Пелопоннес он называл землей Пеллопа, среди современных ему народов называл кельтов, скифов и иберов. Отмечая ораторское искусство своего корреспондента Гварино да Верона, Исидор заметил, что, слушая его, возникает чувство, что слышишь Аристида или Демосфена¹². В употреблении антикизирующих названий стран и народов, в стилизации языка под аттический образец выражалось желание византийского автора возродить эллинистический дух и стилистику классических сочинений.

Для византийской эпистографии совершенство риторических приемов и грациозность речи при составлении писем имели принципиальное значение. В одном из писем Исидор, выражая похвалу риторическому мастерству своего корреспондента, указал на то, что для него было особо ценно в полученном послании, тем самым сформулировав критерии совершенного с точки зрения стиля послания: «гармония выражения, ритмичность сочетаний, сила напряжения, стремительность мыслей, возвышенное слово и блеск образов»¹³. Для Исидора изящно составленное письмо – повод особо отметить талант его составителя, обратив внимание на «выражения, связки слов, красоту речевых оборотов, построение умозаключений, и вообще гармонию всей речи и изумительную музыку целого, словно бы <это была> некая музыка!»¹⁴. Любовь к слову, вкус к утонченной речи, приверженность к изысканному стилю отличают Исидора как эпистолографа, который не только сам владел искусством составления риторически безукоризненных эпистол, но и ценил подобное мастерство своих корреспондентов.

Включаясь в переписку, Исидор принимал «правила игры» и следовал «законам жанра», которые существовали в византийской эпистографии. Его эпистолярные сочинения несут на себе отпечаток риторической традиции, столь ценившей образность речи. Мифологические мотивы всегда были особо популярны в византийской риторике. Исидор использует привычные риторические клише и топосы, наполняет повествование образами античного семиотического ряда. Например, он прибегает к весьма распространенным в византийской литературе сюжету

¹¹ ZIEGLER A.W. Die restlichen vier unveröffentlichten Briefe... S. 139. Ep. 5.61 r.

¹² Isidore of Monemvasia (and Kiev). Letters / Ed. W. Regel // *Analecta Byzantinorum Russica*, ed. W. Regel. СПб, 1891. P. 62. Ep. 2.5.

¹³ Ibid. P. 61. Ep. 2.16-17.

¹⁴ Ibid. P. 67. Ep. 5.18-21.

об Одиссее и сиренах. Образ сирен с их соблазнительным пением был метафорой, передающим силу воздействия письма, которое совершенно околдовывало корреспондента¹⁵: «Письмо удерживало нас сильнее, чем сирены тех, кто проплывал мимо. И даже Одиссей, думаю, проходя рядом, был бы обворочен его чарами»¹⁶.

Исидор включает в текст письма также исторические реминисценции. Одно из своих посланий он начинает с рассказа о персидском царе Артаксерксе, который щедро наградил крестьянина за горсть питьевой воды, оценив его преданность, чтобы этим историческим примером подвигнуть деспота на благодеяния¹⁷. В его письмах живут мифологические герои (Дедал, Медея, Геракл), упоминаются исторические персонажи (Сократ, Платон, Демосфен, царь Давид), встречаются аллюзии на классические произведения (Гомеровский эпос, жизнеописание Солон Плутарха).

Его письма несут на себе отпечаток «ученой дружбы», составлявшей основу эпистолярного общения. Он комплиментарен в отношении своих адресатов, демонстрирующих свои дружеские чувства к нему и заботящихся о поддержании переписки. Правила эпистолярного этикета предписывали подкреплять словесные уверения в дружбе постоянным обменом письмами, которые лучше любых клятв и заверений подтверждали искренность дружеских отношений. Исидор Киевский, отдавая должное числу получаемых писем от друга, не забывает поблагодарить за это своего корреспондента, видя в этом свидетельство неизменности его дружеского расположения («мы, конечно, изумлялись многочисленности твоих писем к нам по той причине, что они являлись явным доказательством того, что нас любят и вспоминают»¹⁸).

Исидор Киевский, тоскуя по дружескому общению с Мануилом Хрисолорой по причине частых отъездов своего друга и зная, что Мануил, в свою очередь, тяжело переживал разлуку с друзьями и близкими, а также понимая все тяготы путешествий («сколько печали по нам ты испытал столь много времени находясь в чужой стране»¹⁹), стремился не оставить друга в его бесконечных поездках, поддерживая своими письмами («поэтому я пишу письма, куда только возможно было бы»²⁰).

¹⁵ HUNGER H. On the Imitation (μίμησις) of Antiquity... P.29.

¹⁶ Isidore of Monemvasia (and Kiev). Letters. P. 61. Ep. 2.10-12.

¹⁷ ZIEGLER A.W. Vier bisher nicht veröffentlichte griechische Briefe... S. 575. Ep. 2.1-8.

¹⁸ Ibid. S. 574. Ep. 1.1-2.

¹⁹ Ibid. S. 139. Ep. 5.61 г.

²⁰ Ibid. S. 140. Ep. 5.61 v.

В другом письме Исидор, восхищаясь посланием друга, отмечает, что оно продемонстрировало все лучшие качества, присущие автору: «До такой степени благородное, красивейшее письмо показало всем твой прекрасный образ мыслей, тем самым оно обнаружило в тебе и ловкого ритора, и государственного человека, и почтенного философа, но и доброго друга»²¹. Письмо, согласно эпистолярной традиции, считалось портретом автора строк, отражением его лучших черт и качеств. «Ученая дружба» византийской чеканки пропитывала все его эпистолы, адресованные друзьям и корреспондентам.

Среди не столь обширного эпистолярного наследия Исидора следует особо выделить одно послание шуточного содержания, которое посвящено забавному случаю, произошедшему в монастыре. Исидор с наигранной обидой сетует на зайца, который повадился надгрызать овощи в монастырском саду, несмотря на изобилие корма вокруг. Как замечает Исидор, из-за своей прожорливости животное подвергнется Соломонову суду, и предстанет перед судьей еще при жизни²². История описанного преступления и ожидаемого справедливого возмездия напоминает стиль античных аллегорий. С истинно возрожденческим воодушевлением Исидор превращает описание незначительного повседневного события в маленький литературный шедевр, пронизанный ироническим смехом. Это письмо издатель Дж. Меркати назвал «грациознейшим посланием»²³. Подобное письмо-шутку адресовал императору Мануилу II Палеологу (1391–1425) Димитрий Хрисолора, в котором описал свои страдания от укуса комара. По мнению Мануила II, «краткий миг страдания вылился в превосходное произведение»²⁴. Обмен шуточными посланиями был своего рода формой интеллектуальной игры с выраженным гуманистическим подтекстом; Исидор виртуозно владел и этим искусством, демонстрируя свои гуманистические пристрастия.

Не только в составлении эпистол Исидор следовал определенным нормам, продиктованными законами риторики. Он не нарушал принятого этикета и в эпистолярной практике, которая была связана с самим процессом обмена писем. Исидор упоминает о литературном кружке –

²¹ Isidore of Monemvasia (and Kiev). Letters. P. 61. Ep. 2.12-15.

²² ZIEGLER A.W. Vier bisher nicht veröffentlichte griechische Briefe... S. 141. Ep. 6.62 r.

²³ MERCATI G. Scritti d'Isidoro il Cardinale Ruteno e codici a lui appartenuti che si conservano nella Biblioteca Apostolica Vaticana. Rom, 1926. P. 22.

²⁴ The Letters of Manuel II Palaeologus / Ed. G. Dennis. Washington, 1977. Ep. 50.9-10.

театре, в котором он зачитал послание своего итальянского друга, гуманиста Гварино да Верона. Исидор Киевский, огласив на публике письмо Гварино да Верона, сообщает о той бурной реакции слушателей, которую те продемонстрировали, не скрывая своего восторга: «Сколько долго прочитавшие письмо рукоплескали тебе и тому письму, которое находилось в центре общего внимания, даже я не мог бы легко описать; все наслаждались им, и я, прочитавший его, и все, кто его заслушал»²⁵. Участие в литературном салоне было одним из элементов интеллектуального общения²⁶, поскольку эпистолярная традиция предполагала публичное прочтение послания.

Исидор говорит о подарках, которыми он сопровождал обмен письмами, что также являлось элементом эпистолярной культуры его времени. Исидор сопровождает свой дар (индийские благовония) деспоту Пелопоннеса изящным комментарием, сравнивая хорошо подобранную смесь пряностей с удачным набором качеств правителя²⁷.

Составляя письма, Исидор следовал определенным правилам, диктуемыми эпистолярным жанром. Письмо должно быть кратким и лаконичным, элегантным по стилю, утонченным по языку. Оно не должно нарушать общей гармонии интеллектуального диалога, в рамках которого существовало эпистолярное общение.

Наблюдения, сделанные на основе эпистолярных сочинений, позволяют говорить о том, что для Исидора Киевского законы риторики в его эпистолярной практике были императивны. Исидор следовал византийской традиции составления писем, соблюдал правила эпистолярного общения, ориентировался на классические стандарты при написании эпистол. Но в его посланиях отразились и гуманистические веяния, которые особенно остро проявлялись в интеллектуальной жизни этой эпохи²⁸. Следуя эпистолярной традиции, Исидор в то же время не был чужд и новациям, которые задавали тон интеллектуального общения. С этой точки зрения Исидор, несомненно, был образцовым эпистолографом.

²⁵ Isidore of Monemvasia (and Kiev). Letters. P. 61. Ep. 2.6-9.

²⁶ О византийских литературных кружках как форме интеллектуального общения см.: MEDVEDEV I.P. The so-called *θέατρα* as a Form of Communication of the Byzantine Intellectuals in the 14th and 15th Centuries // 'Η ἐπιχειρηματία στὸ Βυζάντιο. Ἀθήνα, 1993. P.227-235; Куш Т.В. Византийский *θέατρον* конца XIV–XV вв.: некоторые наблюдения // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 323-329.

²⁷ ZIEGLER A.W. Vier bisher nicht veröffentlichte griechische Briefe... S. 576. Ep. 2.25-26.

²⁸ См.: МЕДВЕДЕВ И.П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997.

T.V. KUŠĆ
JEKATERINBURG

ISIDOR VON KIEV ALS EPISTOLOGRAPH

Der Artikel ist der Analyse des Briefhinterlassenschaft Isidors von Kiev, einer der bekanntesten Persönlichkeiten der spätbyzantinischen Zeit. Die Briefe weisen auf ein hohes Bildungsniveau ihres Verfassers und seine Bekanntschaft mit der klassischen Literatur, mit der literarischen Tradition und den stilistischen Methoden seiner Zeit. Der Stil, die zahlreichen Bilder und die Mittel des kunstvollen Ausdrucks, die der Autor verwendet, zeugen davon, dass sich Isidor die Normen und Prinzipien der byzantinischen Epistolographie zueigen machte. In seinen Briefen spiegeln sich auch die humanistischen Tendenzen wider, die für das intellektuelle Leben seiner Zeit typisch waren.